

КАФЕ «ПАТРИСИАННА»

Триптих

Часть первая

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Среда, ноябрь, восемь часов вечера...

Кормлев шел по Невскому проспекту. Бесцельно, бессмысленно, так же, как этот мокрый снег в желтушном свете уличных фонарей.

«Мне сегодня сорок лет, — думал Кормлев, — сорок! Целая жизнь! Жизнь сделана, и жизнь эта дрянь, и сделана по-дрянному, и никакого в ней смысла. Как нет смысла в этом снеге. Какого черта он падает, этот чертовый снег? Падает, падает, чтобы стать грязью под чьими-то ногами...»

Кормлев остановился под фонарем, посмотрел на свои старенькие, дешевые, китайские часы. Восемь пятнадцать. Веселье, наверное, уже в полном разгаре, решил он. Да, такого оригинального поступка от него не ожидал никто. Он просто встал из-за стола и ушел! Ушел, и никто этого не заметил...

Кормлев оглянулся по сторонам. «Невский проспект. Как я здесь оказался? С какой стати? Зачем? Какая разница!» — решил про себя он.

И ноги сами зашлепали по снежной каше. И сами свернули налево, потом направо... «*Cafe Patrisianna*» — горела надпись бледно-розовыми, неоновыми, прописными буквами с изящным наклоном.

«Патрисиянна, патрия, пария, партеция...» — промелькнуло в голове у Кормлева. Вдруг стало как-то смешно и горько от глупости и тупости этих слов, этих ассоциаций, никак ничем не связанных, бессмысленных, бесцельных. Он усмехнулся и вошел.

— Здравсьте! — швейцар, молодой прыщавый парень в форменном пиджаке, ослабилс я ему так, как будто он постоянный и очень щедрый посетитель или, по меньшей мере, любимый брат хозяина этого кафе.

Еще шаг, и Кормлев попал в упругие потоки теплого нежного воздуха двух калориферов. В сознании промелькнули почему-то белый песок, пальмы и цветастые зонтики.

— Позвольте ваше пальто? — прозвучал бархатный девичий голос откуда-то справа.

Глупая официальная фраза, прозвучавшая мягким сердечным тоном, таким, каким иногда говорила его мама, своим несоответствием обстановке кольнула глубоко и больно.

— Мне бы чаю или кофе там, какого-нибудь, — растерянно сказал Кормлев невысокой, гладко зачесанной миловидной девушке, по всей видимости, гардеробице.

Девушка улыбнулась ему, швейцар как-то странно ослабилс я.

— Как вас зовут? — неожиданно для себя спросил Кормлев, отдавая ей в руки свое промокшее пальто.

— Даша, — ответила тем же теплым, сердечным тоном девушка.

И опять стало больно и тревожно.

— Даша? А мою маму зовут Марина.... Почему вас не Марина зовут? — спросил Кормлев вслед уже скрывшейся за дверями гардеробной девушке.

— Прошу вас, проходите, — это все тот же швейцар, с той же самой улыбкой во все прыщавое лицо, показывал Кормлеву широким выразительным жестом на двери в затемненный зал.

— Вы знаете, у меня денег при себе не очень много, — полушепотом, боязливо пробормотал Кормлев, сверяя свое финансовое состояние с окружающей шикарней обстановкой.

— Проходите, проходите, — зачастил швейцар. — Вы же помните, у нас все недорого!

«Помню? Ну да, помню! Я почему-то это помню, — поймал себя на мысли Кормлев. — Я помню и физиономию швейцара, и то, что девушку зовут Даша. Откуда я это помню? Я уже лет десять не был ни в каком кафе. И лет пять, как не был на Невском проспекте... Но я помню! А, черт с ним, неважно!» — решил Кормлев и шагнул в уютный овальный зал с колоннами, со столиками, накрытыми тяжелыми бархатными скатертями и настольными лампами с оранжевыми стеклянными абажурами под старину.

Звучала тихая музыка. Блюз, решил для себя Кормлев.

Кое-где за столиками сидели небольшие компании. Благодушие, спокойствие и какая-то глубокая тишина, внутри которой и происходили все действия, все это так резко контрастировало с суетой, холодом и безумием, из которого он только что пришел, что казалось нереальным, и Кормлев даже слегка поежился, почувствовав это.

— Господи, Кормлев, старина! Ты где пропадал? Иди к нам!

Кормлев вздрогнул. Этот голос, прозвучавший откуда-то из глубины зала, показался ему знакомым. И тут же перед ним возникла фигура дородного человека в твидовом пиджаке и с широким, масляным, улыбающимся лицом.

У Кормлева перехватило дыхание от сильных и частых объятий и запаха паленого где-нибудь в Турции «французского» парфюма.

— Пошли, пошли, — это уже его подталкивал к столику человек, только что измявший в своих объятиях. — Господи, да что ты на меня так тарашись? Что у тебя такой ошарашенный вид? Или ты выпил?.. Вот так вот сидишь с человеком за одной партой десять лет, даешь ему списывать математику, а потом он делает вид, что тебя не знает! — эту фразу толстяк говорил уже двум женщинам, сидящим за столом с глупыми улыбками на лицах. — Кормлев, тезка, да очнись же ты! — толстяк дружески ткнул его в бок, наклонился и состроил крайне выразительную гримасу, показывая глазами на женщин, сидящих с недоуменным видом.

«Ну да, конечно же! Это Сергей! — вдруг подумал Кормлев. — Я помню, что этого человека зовут Сергей!»

— А фамилию помнишь? У тебя что, амнезия, после того как Людка Соловьева стукнула тебя «арифметикой» по голове? — залиvisto смеясь, говорил Сергей.

«Панфилов!» — мелькнуло в мозгу у Кормлева.

— Ну вот, вспомнил, начал приходить в себя! — иронично запричитал Сергей.

— Ты что, мои мысли читаешь? — неожиданно для себя спросил Кормлев. И ему стало как-то стыдно, неловко и неуютно оттого, что он назвал этого незнакомого человека на «ты» и озвучил то, что обычно произносил только про себя.

— Дамы, давайте выпьем за день рождения моего школьного друга! — произнес тост Панфилов.

«Очень достоверно играет, что он не расслышал вопроса», — думал Кормлев, приглядываясь к Панфилову.

— Кстати, как там твой начальник, поправился? — с наигранной заинтересованностью спросил Панфилов.

Начальник Кормлева, психопат и лизоблюд с редющей прилизанной шевелюрой, вдруг неожиданно заболел воспалением легких неделю назад. Весь отдел переживал и втайне надеялся, что он не выживет.

— Откуда ты это знаешь? — спросил Кормлев Панфилова.

— Что?

— Ну, это, про моего начальника?

— Так, дружище!.. Ты хоть запоминай, кому чего рассказываешь, — с наигранной обидой в голосе сказал Панфилов. — И кончай изображать из себя забывчивого параноика, ты смущаешь наших дам... Клавочка, Лидочка, — осклившись, обратился он к женщинам, — не смущайтесь, это у него такие дурацкие шутки. А к первому апреля и дню рождения с ним обострение случается, — и, наклонившись к Кормлеву, дружески ткнул его кулаком в бок. — Кончай гнать дурку, Серега!.. Девочки! — это он опять обратился к двум основательно потасканным женщинам, похабно накрашенным, с тошнотворной тоской в глазах. — Выпить мы за него выпили, а теперь я хочу вам представить своего старого друга, именинника, однокашника и тезку по совместительству — Сергея Кормлева! Представляете, я с этим остряком десять лет за одной партой сидел! А потом всю жизнь не мог от него избавиться. Куда ни зайдешь — везде он, и делает вид, что он меня не знает! — гыгыкая и трясясь, говорил Панфилов.

Женщины переглянулись, хихикнули и, кажется, расслабились.

— Ну, девушки, Лидочка, ухаживайте за именинником! — причитал Панфилов, обихаживая компанию. — И положите ему что-нибудь, положите!

— Вы будете заливное? А салат? — спросила Кормлева Лидочка томным, хриловато-прокуранным голосом. Ее руки, нервные, ухоженные, с длинными ровными ногтями, покрытыми розовым лаком, неловко манипулировали тарелкой и ложкой.

«Я помню эти руки! — подумал Кормлев. — Откуда я их помню, где я их видел?...» — вспоминал Кормлев, заморожено глядя за тем, как Лидочка накладывает что-то на тарелку. Лидочка отметила это, приняла за предварительный успех и бросила на Сергея два-три кокетливых взгляда.

«Четвертый прибор! — мелькнуло в голове у Кормлева. — Их трое, а приборов четыре! Откуда?»

— Кто-то еще должен прийти? — как можно более непринужденно спросил Кормлев у Панфилова.

— Нет, приятель, с чего ты взял? — хихикнул Панфилов. — Можешь смело ухаживать за Лидочкой!

— Сергей Витальевич, пожалуйста, ваш коньяк! — сказал невесть откуда взявшийся официант с лощенной улыбкой, ставя на стол перед Сергеем бутылку, обернутую в желтую полупрозрачную бумагу. — Прошлый раз не было, извините, кончился. Не обижайтесь, пожалуйста. Зато теперь мы завезли впрок!

— «Николе-Коля», сорок второй год, — прочитал Панфилов на этикетке и присвистнул. — Шикуюшь, Серега! Ну, да ладно, в такой день можно!

И он уже деловито откупоривал бутылку, выразительно кивая официанту, мол, уходи, мы тут сами справимся. Официант замялся, промямлил что-то, мол, «Не положено...» Но было поздно. Панфилов, разлив коньяк, уже нюхал край своего бокала, в деланном наслаждении прикрывая глаза.

— У меня денег при себе немного, — прошептал Сергей на ухо Панфилову.

— Не волнуйся, старик, потом разочтемся. Расслабься! — ответил Панфилов, подмигнул ободряюще и ткнул его локтем в бок.

Музыка изменилась, но опять звучало что-то вкрадчивое, умиротворяющее, официант еще терся чуть поодаль, неловко и заискивающе улыбаясь, Панфилов, откушав коньяку и налив себе еще, щедро раскладывал перед хихикающими дамами какие-то сальности... Что-то внутри хрустнуло, отпустило, сказало: «Да к черту все!» И Кормлев расслабился. Вдохнул, улыбнулся, и перед ним замелькали рюмки, вилки, оранжевая лампа, масляная физиономия Панфилова, густо напомаженный рот Лидочки и нервные, ухоженные руки с длинными ногтями, покрашенными розовым лаком...

— Сережа, господи, где ты был? Да ты пьян! Почему от тебя пахнет духами? Что это за выходы, Сережа? Четвертый час ночи! — как фон, звучал встревоженный голос мамы, пока Кормлев, как бы отстраненно, разглядывал в зеркале идиотски-радостную, счастливую физиономию, которая смутно напоминала ему его собственное лицо.

— Я пойду в ванную, мама...

— Какая ванна, бесовский, в таком состоянии? Ты пойдешь спать! Все очень разозлились. Ждали тебя до двенадцати, а потом ушли. Нерчаев обещал побить тебе «морду», Светочка сказала, что теперь она придет к тебе только на поминки... Сережа, зачем ты обижаешь ее, она хорошая девушка. Зачем ты морочишь ей голову?

— Мама, этой девушке тридцать семь лет, у нее трое детей, и она уже два раза была замужем.

— Ладно, ладно, иди спать, завтра с тобой поговорим, пьяница!

Кормлев уснул, даже не успев коснуться подушки. Так и спал всю ночь полунакрывшись одеялом, не успев снять правый ботинок. Ему снилась неоновая надпись «Патрисианна», лето, школьный двор, облака, протекающие над пионерским лагерем «Зарница», масляное лицо Панфилова, руки с розовым лаком, мама — молодая, красивая, смеющаяся, купающая его в реке, и уходящая по бесконечному коридору гардеробщица Даша.

— Боже мой, я болел только неделю, а вы все уже тут без меня обнаглели и обленились! Где Кормлев? Где гранки? Где, черт побери, рабочая атмосфера, которая здесь была до моего ухода?..

Сергей стоял у стеклянной двери своего отдела и слушал воскресший голос начальника.

— Сережа, не бойся, заходи, я тебя прикрою, — шептала ему литредактор Ниночка, подталкивая сзади. — Николай Васильевич, он был у меня, мы занимались корректурой.

— Прекрасно, прекрасно, — расплылся в злобной улыбке начальник. — Больше никаких опозданий. Это последнее предупреждение, — ядовито-любезным тоном процедил он.

— Последнее? — спросил Кормлев. — Вы меня раньше никогда ни о чем не предупреждали.

— Ну, значит, первое и последнее! — бросил через плечо начальник, выходя из кабинета.

Горы бумаг, корректуры, гранки, исчерканные зеленой ручкой и красным карандашом. Удушливый сырой воздух, пропитанный запахом смеси духов, типографского шрифта, раскисшей кожаной обуви и дешевого кофе «Нескафе».

Кофе!.. Сергей оторвался от работы. Это словно о чем-то напоминало ему.

— Кофе! — произнес он вслух.

— Ну да, кофе, Сережа! — расслышал он голос Ниночки. — Ты будешь его пить?

— Как ты сказала, кофе?

— Ну да, кофе... Сережа, что с тобой сегодня?

— Нет, спасибо, ничего, я поработаю, — сказал он встревоженным, удивленным глазам Ниночки.

И опять горы бумаг, корректуры, гранки и тошнотворная бездарщина, с которой ему никак не удавалось ничего сделать...

— До завтра, Сережа! Не опаздывай, а то он тебя сожрет, — Ниночка чмокнула его в мерзлую щеку и побежала к автобусу.

Сергей шел по Гороховой, под ногами хрустела подмерзшая снежная каша цвета кофейной гущи.

— Кофейная гуща, — бормотал про себя Кормлев. — Ниночка сказала: «Кофе». Кофе, кофе... Господи, «Патрисианна»! Я вспомнил!

Ноги сами свернули налево, потом направо и вот уже перед ним опять горела надпись неоновыми, бледно-розовыми, прописными буквами — «Патрисианна».

— Здравствуй!

Свет, холл, калорифер, прыщавое лицо швейцара, улыбка во все лицо.

— Позвольте ваше пальто?